

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Я з ы к знание реальность

*К 70-летию
Александра Леонидовича
Никифорова*

Под редакцией
И.Т. Касавина, П.С. Куслия

МОСКВА • АЛЬФА-М • 2011

УДК 13:159.9

ББК 87:88.4

Рекомендовано к печати

Я41

Ученым советом Института философии РАН

*Издано при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ), проект № 11-03-16096д*

Я41

Язык — знание — реальность ; отв. ред. член-корр. РАН
И.Т. Касавин, канд. филос. наук П.С. Куслий. — М. : Альфа-М, 2011. — 352 с. — (Библиотека журнала «Эпистемология и философия науки»).

ISBN 978-5-98281-278-0

Сборник посвящен 70-летию известного отечественного философа А.Л. Никифорова. В статьях, написанных друзьями и коллегами юбиляра, рассматриваются проблемы социальной эпистемологии и аналитической философии, вопросы, связанные с анализом языка и его отношением к знанию и реальности. В целом они дают адекватное представление о современном уровне отечественных философских исследований в области онтологии и теории познания.

Для преподавателей философии, ученых, стремящихся найти собственные решения философских проблем.

УДК 13:159.9

ББК 87:88.4

Научное издание

Язык — знание — реальность

Оформление художника *С.Б. Дьякова*. Художественный редактор *А.В. Антипов*.

Компьютерная верстка *О.С. Тониной*. Корректор *Ю.В. Жаркова*

Подписано в печать 22.10.2011. Формат 60×90/16. Бумага офсетная

Печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 23,16. Тираж 800 экз. Заказ №

Издательский Дом «Альфа-М». Адрес: 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в

Тел./факс: (495) 363-4270 (573); e-mail: alfa-m@inbox.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

- Отдел продаж «ИНФРА-М». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, тел. (495) 363-4260; факс (495) 363-9212; e-mail books@infra.ru
- Отдел «Книга—почтой», тел. (495) 363-4260 (доб. 232, 246)

В оформлении использованы фрагменты работы *П. Клее (1915)*

ISBN 978-5-98281-278-0

© Учреждение Российской академии
наук. Институт философии РАН, 2011
© «Альфа-М». Оформление, 2011

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
А.Л. НИКИФОРОВ. ЧУВСТВЕННО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ МИРА.	9
ЧАСТЬ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ.	67
<i>И.Т. Касавин</i> • Всегда иной и прежний	69
<i>Л.А. Маркова</i> • Есть ли место смыслу в современной эпистемологии?	87
<i>А.Ю. Антоновский</i> • К проблеме интерсубъективности понимания и атрибуции знания	104
<i>М.А. Розов</i> • Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет	126
<i>В.А. Колтаков</i> • Социальные технологии в концепции О. Хелмера	155
ЧАСТЬ 2. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	171
<i>Л.Б. Макеева</i> • Как связаны между собой смыслы наших слов и наши знания?	173
<i>П.С. Куслий</i> • Разгадка контекстов мнения в семантике	184
<i>Е.В. Вострикова</i> • Могут ли имена иметь дескриптивное содержание?	201
<i>А.З. Черняк</i> • Знание, смысл, референция	215
<i>В.Г. Семенова</i> • Выражение тождества в естественном языке	237
ЧАСТЬ 3. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ	245
<i>В.А. Лекторский</i> • Проблема знания в современной эпистемологии	247
<i>Я.В. Шрамко</i> • Философия: наука или мировоззрение?	267

<i>Е.А. Мамчур</i> • Растет ли научное знание? Современные решения старой эпистемологической проблемы	286
<i>Е.Н. Князева</i> • Мир восприятия живых существ и производство смыслов	304
<i>И.А. Герасимова</i> • Чувства и эмоции в научном познании	323
<i>В.В. Чешев</i> • Теория познания, «гносеологическая робинзонада» и философская антропология	337
<i>Послесловие</i>	349
<i>Информация об авторах</i>	351

Я.В. Шрамко

Философия: наука или мировоззрение?¹

1. Что такое философия? Предварительные замечания

С тех пор как великий реформатор философии Иммануил Кант сформулировал свою знаменитую задачу обоснования метафизики в качестве полноправной науки, прошло уже более двух столетий². Приходится, однако, признать, что за истекшее время философия не слишком продвинулась в решении этой задачи. Характеризуя положение дел в современной ему метафизике, автор «Критики чистого разума» отмечал, что она все еще не вступила на «верный путь науки» и «скорее напоминает арену, как кажется, приспособленную для того, чтобы пробовать свои силы в борьбе»³. Вопреки надеждам Канта данная ситуация продолжает сохранять свою остроту и сегодня, несмотря на все те радикальные изменения, которые претерпела философия за последние 200 лет.

Пусть даже несколько схематизируя реальный историко-философский процесс, не будет слишком большим преувеличением утверждать, что после того как Кант поставил указанную проблему, развитие мировой философии было в значительной степени движимо стремлением выработать достойный ответ на брошенный им вызов. В этом

¹ Настоящая статья представляет первую часть более обширного проекта, конечной целью которого является уточнение природы и специфики философии. В значительной степени импульсом как для написания этой статьи, так и для разработки проекта в целом послужили замечательные работы Александра Леонидовича Никифорова по указанной проблеме. Несмотря на то что развиваемый здесь подход противоположен позиции А.Л. Никифорова, мне хотелось бы подчеркнуть, что я многим обязан этим его работам и прежде всего — той четкой и ясной постановке проблемы, которую мы в них находим и которая во многих отношениях является образцовой. Я посвящаю эту статью *Александру Леонидовичу Никифорову* в честь его 70-летия.

² Напомним, что Кант считал ответ на поставленный им вопрос «Как возможна метафизика как наука?» и в целом развитую им «критику способности самого чистого разума» необходимым предварительным условием «для содействия основательной метафизике как науке, которая необходимо должна быть построена» (*Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Ч. 1. М., 2006. С. 39). Такое построение «будущей системы метафизики», по мысли Канта, и будет означать успешное завершение ее обоснования. При этом под метафизикой здесь следует понимать не отдельный раздел философии, а «всю чистую философию» в целом (Там же. С. 1053).

³ Там же. С. 17.

смысле любое сколько-нибудь заметное философское направление XIX–XX вв. может быть охарактеризовано с точки зрения той позиции, которую оно занимало или занимает по вопросу о возможности и путях построения подлинно научной философии.

В целом здесь можно выделить две главные тенденции. Одни концепции в основном разделяли позицию Канта касательно возможности научной философии. Сюда можно отнести учения немецкого идеализма первой половины XIX в., различного рода позитивистские школы, марксизм, неокантианство, раннюю феноменологию, прагматизм Пирса, лингвистическую философию, структурализм и целый ряд родственных им течений. В рамках этих направлений предлагались многообразные проекты конституирования философии «как строгой науки». К сожалению, преобладающее большинство таких проектов с самого начала имело сугубо декларативный характер, а активное использование научной (а иногда и псевдонаучной) терминологии часто призвано было лишь маскировать отсутствие реального содержания и сколь-нибудь плодотворных идей.

Однако в развитии философской мысли после Канта обозначилась и диаметрально противоположная тенденция (которая начиная с середины XIX в. проявляется все более отчетливо) с ее характерным противопоставлением научного и философского подходов, подчеркиванием существенных различий между ними и даже их принципиальной несовместимости. Йенские романтики, Кьеркегор, представители «философии жизни», поздние феноменологи с их понятием «жизненного мира», экзистенциалисты, постмодернисты и другие приверженцы иррационалистической установки — все они сходятся на том, что философия никогда не была наукой, да и не должна ею быть. Развитие этой тенденции в значительной степени подпитывалось очевидными неудачами постоянно предпринимаемых представителями противоположного лагеря попыток научного обоснования философии.

Но если философия не наука, то что же она тогда такое и какова ее концептуальная природа? В такой максимально широкой постановке вопрос является сравнительно новым. До недавнего времени философы не писали работ, специально посвященных вопросу «Что такое философия?». Еще Декарт, Локк или Лейбниц если и затрагивали эту тему, то лишь мимоходом, ограничиваясь разрозненными общими замечаниями о философии как «занятии мудростью», «свете ума», «истинном познании вещей» и т.п.¹ По-видимому, до определенного

¹ См., напр.: *Декарт Р.* Первоначала философии // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 301; *Лейбниц Г.В.Ф.* Свидетельство природы против атеистов // Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 79; *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Соч. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 85.

момента философы просто не видели здесь какой-то особой проблемы, нуждающейся в отдельном исследовании. Разительный контраст этому представляет философская литература последнего столетия — даже поверхностный обзор вышедших за это время работ свидетельствует о том, что вопрос о природе самой философии переместился в центр внимания представителей самых разнообразных направлений, составляя отдельный предмет интенсивных дискуссий¹.

Среди множества альтернативных подходов, отрицающих научную природу философии, наиболее разработанным и довольно влиятельным оказывается взгляд на философию как на особого рода *мировоззрение*. Такое понимание, которое Гуссерль обозначил термином «философия мировоззрения» или «мировоззренческая философия» (*Weltanschauungsphilosophie*)², представляет не просто отдельную точку зрения, но представляет определенную идейную платформу, объединяющую самые разнообразные концепции, стремящиеся подвести под философию основание, отличное от научного. С этой целью выдвигается целый ряд контраргументов, призванных подорвать научное истолкование философии и продемонстрировать ее мировоззренческую суть.

В настоящей статье будут подвергнуты критическому разбору некоторые из этих аргументов. Основной тезис, который мы отстаиваем, состоит в том, что философия является наукой в самом прямом и точном значении этого слова. Из этого, в частности, следует, что философия не есть мировоззрение, не может и не должна им быть.

2. Является ли философия наукой?

Когда Эдмунд Гуссерль в 1911 г. работал над своим программным произведением «Философия как строгая наука», он исходил из убеж-

¹ Вот лишь некоторые из огромного числа произведений на эту тему: Берлин И. Назначение философии // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 91–98; Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. М.: СПб., 2001. С. 83–117; Виндельбанд В. Что такое философия? // Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 22–58; Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? СПб., 1997; Дильтей В. Сущность философии. М., 2001; Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Как я понимаю философию. М., 1990; Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991; Поппер К. Какой мне видится философия // Путь в философию. Антология. М.; СПб., 2001. С. 121–136; Риккерт Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 13–42; Хайдеггер М. Что это такое — философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123; What is Philosophy? ; C.P. Ragland, S. Heidt (eds.). New Haven and L., 2001; Ros A. Was ist Philosophie? // Philosophieren über Philosophie. R. Raatzsch (Hrsg.). Leipzig, 1999. S. 36–58.

² См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 185–240, где автор четко разделяет и противопоставляет «научную философию» и «мировоззренческую философию».

дения, что «великие интересы человеческой культуры требуют образования строго научной философии»¹. Сейчас это утверждение многими расценивается как по меньшей мере наивное. Между тем Гуссерль всего лишь воспроизводит здесь положение, которое длительное время считалось чем-то само собой разумеющимся, своего рода аксиомой, не требующей какого-то особого обоснования.

Так, еще представители классического немецкого идеализма, видевшие себя полноправными философскими преемниками Канта, несколько не сомневались в научном характере философии вообще и своих философских систем в частности². Фихте, разрабатывая свое «наукоучение», считал своей основной задачей «поднять философию до степени науки»³. Шеллинг полагал, что философия является «наивысшей и главной наукой»⁴. Гегель в предисловии ко второму изданию «Энциклопедии философских наук» утверждал, что единственное, к чему он стремится «в своих философских изысканиях — это научное познание истины»⁵. Однако чем возвышенней был научный пафос спекулятивных идеалистических концепций, тем разительнее контрастировал он с их абсолютно антинаучным содержанием⁶. В результате фихтевский проект наукоучения довольно быстро потерпел фиаско, Шеллинг в разработке своей философской концепции так и не смог пойти дальше предварительных набросков, а система Гегеля вошла в мертвый клинч с его диалектическим методом. Более поздняя попытка пересадить спекулятивный философский идеализм неогегельянского толка на английскую почву («абсолютный идеализм»

¹ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 191.

² В этом отношении парадигмально звучат следующие слова Фихте: «Философия есть наука; в этом настолько же совпадают все описания философии, насколько они разделены при определении объекта этой науки» (Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии. 1794 // Соч. В 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 14).

³ Фихте И.Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск; М., 2000. С. 274.

⁴ См.: Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 234.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 57.

⁶ Основной изъян спекулятивного идеализма точно диагностировал Кант в своем «Заявлении по поводу наукоучения Фихте», указав, что система последнего «представляет собой только логику, которая со своими принципами не достигает материального момента познания и как чистая логика отвлекается от его содержания. Попытка выковырять из нее реальный объект представляет собой напрасный и потому никогда не выполнимый труд» (Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 625).

Брэдли, Бозанкета, Грина, Мак-Таггарта и др.) также оказалась безуспешной, наглядно продемонстрировав бесперспективность умозрительного конструирования реальности исходя из одних лишь принципов чистой логики.

После того как спекулятивный философский идеализм зашел в тупик, различными мыслителями были предприняты попытки найти выход из этого тупика на путях кардинальной перестройки всего философского здания и даже пересмотра самого понятия философии. Наиболее значительными и системными среди этих попыток явились программы первого позитивизма и неокантианства. Несколько парадоксальным образом, несмотря на то что в целом эти программы, несомненно, были ориентированы на научный подход к философии, именно в их рамках вызревает идея разведения или даже противопоставления философии и науки. Так, основатель позитивизма Огюст Конт не включает философию в свою классификацию наук, к которым он причисляет математику, астрономию, физику, химию, физиологию (биологию), социальную физику (социологию) и провозглашает задачу «очищения» науки от метафизики¹. Культурологический же релятивизм основных представителей как Баденской, так и Марбургской школы неокантианства по существу ставит философию в один ряд с такими явлениями культуры, как мифология, религия, искусство, и, как следствие, выводит ее за пределы строго научного знания².

Начиная со второй половины XIX в. идея обоснования и самоопределения философии через ее решительное противопоставление любого рода деятельности, которая могла бы быть охарактеризована как научная, начинает приобретать все большее распространение. Эта идея находит свое выражение, например, в следующем утверждении Н. Бердяева, сформулированном в присущей ему яркой полемической манере: «Философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной. Почти непонятно, почему философия возжелала походить на науку, стать научной. Не должны быть научны искусство, мораль, религия. Почему же философия должна быть научна?»³

¹ См.: *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М., 2007. С. 15.

² Показательно в этом отношении следующее утверждение В. Виндельбанда: «Факты истории требуют воздержания от... безусловного подчинения философии понятию науки. Непредубежденный взор историка признает философию сложным и изменчивым культурным явлением, которое нельзя просто втиснуть в какую-либо схему или рубрику» (*Виндельбанд В.* Указ. соч. С. 25).

³ *Бердяев Н.* Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 264.

К настоящему времени такой взгляд на природу философии с теми или иными оговорками получил довольно широкое признание со стороны представителей самых разных философских направлений.

Среди современных российских авторов эту позицию последовательно отстаивает А.Л. Никифоров, который в ряде публикаций сформулировал ее со всей возможной определенностью, а также изложил ряд аргументов в ее пользу¹. Он справедливо замечает, что в советской философской традиции представление о научности философии укоренилось прежде всего «благодаря длительному и монопольному господству марксизма» (С. 17), когда марксистская философия в качестве «подлинно научной» противопоставлялась всякого рода «ненаучным буржуазным (идеалистическим) философским системам». В этом отношении — как своего рода естественная реакция на многолетнее засилье «единственно верного учения» — выступление А.Л. Никифорова вполне объяснимо, и во многих аспектах его позиция выглядит достаточно обоснованной. Тем не менее, на наш взгляд, А.Л. Никифоров вместе с водой выплескивает и ребенка. Поэтому имеет смысл подробнее остановиться на тех аргументах, которые приводятся им против научности философии (С. 19–25), с тем чтобы обратить внимание на их слабые стороны. В целом эти аргументы сводятся к тому, что философия не удовлетворяет некоторым общепризнанным критериям научности, среди которых можно особо выделить: а) подтверждаемость фактами; б) проверяемость и опровержимость; в) парадигмальность; г) использование особых методов исследования; д) наличие общезначимых проблем; е) выработку специфического языка.

Прежде всего А.Л. Никифоров отмечает, что положения науки обязательно должны подтверждаться фактами, в то время как философия демонстрирует «равнодушие к подтверждениям». Этот аргумент против научности философии основывается, очевидно, на неправомерном отождествлении научного знания с тем, что может быть названо «частными эмпирическими науками». Утверждения последних имеют непосредственно «предметное (фактуальное) содержание», т.е. прямо относятся к миру материальных предметов (событий, процессов и т.п.), и для таких утверждений вполне естественно ставить вопрос об их проверке с точки зрения соответствия фактически-

¹ См.: *Никифоров А.Л.* Является ли философия наукой? // *Философские науки.* 1989. № 6. С. 52–62; *Он же.* Философия как личный опыт // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания.* М., 1990. С. 311–312. Далее мы будем ссылаться на изложение и обоснование указанной позиции в работе: *Никифоров А.Л.* Природа философии: основы философии. М., 2001.

му положению дел в этом материальном мире. С философией дело обстоит несколько иначе. Философские высказывания не имеют «конкретно-предметной» направленности, и в этом плане философия существенно отличается, скажем, от физиологии или географии. Однако если мы будем на этом основании отказывать философии в научности, то нам придется точно так же поступить и с математикой. Математические уравнения и теоремы геометрии не только не нуждаются в подтверждении фактами, но такого рода «подтверждение» просто-напросто невозможно. Ведь математические утверждения (равно как и философские) относятся не к «фактуальной реальности», а к действительности особых абстрактных объектов, которые по самой своей природе не имеют пространственно-временного бытия и являются принципиально ненаблюдаемыми¹. Было бы в высшей степени неразумно и методологически некорректно пытаться «подтвердить» теорему Пифагора путем измерения сторон в каком-нибудь начерченном на доске или листе бумаги прямоугольном треугольнике хотя бы потому, что никакой «фактический» треугольник в строгом смысле треугольником не является. Между тем никто не будет спорить с тем, что арифметические, алгебраические и геометрические теории не просто являются научными, но в определенном смысле задают образец, на который в той или иной степени ориентируются все науки.

Аналогичным образом обстоит дело и с критериями проверяемости и опровержимости, равно как и с проблемой научных методов, о которых также ведет речь А.Л. Никифоров. Вполне можно согласиться с тем, что «утверждения философии эмпирически непроверяемы и неопровержимы» и что «философ не проводит наблюдений, не ставит экспериментов, не собирает фактов». Это, однако, вовсе не обязательно выводит философию за пределы *науки вообще*, поскольку все это в равной степени справедливо и для математики, что нисколько не подрывает ее научный статус. Как было отмечено выше, такого рода аргументы срабатывают лишь в случае истолкования науки в узком смысле английского слова «science», т.е. по существу естествознания и конкретных социальных наук. Говорить об эмпирической прове-

¹ Говоря языком Платона, объекты, изучаемые как математикой, так и философией, находятся не в «мире вещей», а в «мире идей», пусть даже математические и философские объекты располагаются в разных областях этого идеального мира всевозможных «отвлеченных абстракций». Для математики это такие предметы, как числа, классы, геометрические фигуры и т.п., а к философским объектам относятся особого рода абстрактные сущности: субстанция, идея, истина, добродетель, справедливость, благо и многие другие подобные им.

ряемости и опровержимости, а также об использовании эмпирических методов исследования уместно лишь в отношении тех наук, предметом изучения которых являются те или иные области материальной (эмпирической) реальности. Философия же в любом случае не принадлежит к такого рода наукам.

Таким образом, указанные аргументы вовсе не опровергают возможность философии как науки вообще, но выявляют специфику подлинно философских суждений, которые по самой своей природе — и в этом они подобны суждениям математики — не могут подтверждаться фактами, не подлежат эмпирической проверке или опровержению и для получения которых невозможно использовать эмпирические методы исследования (наблюдение, измерение, эксперимент). Более того, эти аргументы могут быть эффективно использованы против претензий тех или иных (квази)философских учений на фактуальное знание об эмпирическом мире. К примеру, такие квазифилософские утверждения, как «Природа человека неизменна» или «В основе развития мира лежит саморазвитие абсолютного духа» (С. 21), следует признать «незаконными» как раз на том основании, что они имеют ярко выраженный дескриптивный и по существу фактуальный характер, претендуя на то, на что философские суждения претендовать не могут и не должны — на описание (предполагаемого) фактического устройства тех или иных объектов нашего мира или даже всего мира в целом. Такого рода суждения являются не в большей мере философскими, чем суждения «Число планет Солнечной системы необходимо равно 7» и «В основе мира лежит число 1» — математическими. О сходстве в этом отношении философии и математики говорит также и А.Л. Никифоров, когда замечает, что «постулаты философских систем, как и аксиомы математических теорий, не предполагают эмпирического обоснования» (С. 23). На наш взгляд, это сходство имеет далеко не случайный характер. Прежде всего оно затрагивает природу математических и философских понятий и суждений, особенности решения проблемы истины в обеих областях, а также общие принципы построения математических и философских теорий.

Что касается других критериев научности, привлекаемых А.Л. Никифоровым, — наличие устоявшихся парадигм, существование общезначимых проблем, выработка специфического научного языка (научной терминологии), то можно утверждать, что философия в значительной степени соответствует всем этим критериям. Даже беглый взгляд на историю философии позволяет выделить определенные философские парадигмы, преобладавшие в тот или иной период ее развития (если не принимать во внимание различного рода

маргинальных течений, которых всегда достаточно в любой отрасли научного знания¹). Точно так же сохраняется в философии и определенный набор традиционных проблем, привлекающих достаточно широкий исследовательский интерес. Располагает философия и собственной тщательно разработанной терминологией, владение которой отличает профессионального философа от философствующего дилетанта.

В целом мы не разделяем позицию А.Л. Никифорова, который ограничивает компетенцию философии сферой простого *мнения*, считая, что философские системы представляют лишь «мнение философа о мире и о себе» (С. 54). Тем самым статус философии значительно понижается, поскольку в этом случае оказывается, что философские суждения не обладают, да и не могут обладать характером всеобщности и необходимости, ибо такой характер могут иметь лишь научные утверждения, т.е. суждения, выражающие *знание*.

Но если философия не может (и не должна) претендовать на то, чтобы давать нам *эмпирическое знание*, то это вовсе не означает, что философия не в состоянии производить *знание вообще*. Напротив, философы во все времена стремились к постижению *истины*, а значит, к достижению знания в самом точном смысле этого слова². В последнем отношении философия ничем не отличается от других наук. При этом философия вовсе не представляет собой какую-то особую «науку наук» (или «царицу всех наук»), а является точно такой же наукой,

¹ На наш взгляд, не стоит преувеличивать значения того «очевидного факта», что «философия в современном мире — это пестрый конгломерат самых разнообразных школ, течений, направлений — феноменологи, экзистенциалисты, герменевтики, аналитические философы, философы науки, последователи позднего Витгенштейна, постмодернисты и т.д. и т.п.» (Никифоров А.Л. Философия в России: к апологии свободы // Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. С. 127). Этот факт вовсе не свидетельствует о «беспарадигмальности» современной философии. Во-первых, в любой «нормальной науке» всегда сосуществуют различные школы и направления. Аналогичным образом (и с равным успехом) можно было бы утверждать, что математика в современном мире — это пестрый конгломерат самых разнообразных школ, течений, направлений — универсальная алгебра, теория алгебраических систем, Евклидова геометрия, геометрия Лобачевского, классическая теория множеств, конструктивная математика, нестандартный анализ и т.д. и т.п. Во-вторых, приведенный перечень демонстрирует явные признаки «умножения сущностей». Без особой натяжки все многообразие существующих в современной философии школ и течений можно свести к двум основным (господствующим) парадигмам, представленным аналитической философией и феноменологическим движением.

² В целом этот смысл задается тем пониманием, что всякое знание может быть выражено посредством *обоснованных истинных высказываний*. Ср.: Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 61–73.

как и все остальные науки. Конечно, философия имеет свою специфику, обусловленную прежде всего предметом ее исследования, но точно так же свою специфику имеет и любая другая наука, будь то физика, история или математика.

3. Философия и мировоззрение

Как было отмечено выше, наиболее разработанной и влиятельной альтернативой пониманию философии как науки выступает ее истолкование как особой разновидности (или типа) *мировоззрения*. В современной российской и украинской философии это истолкование приобрело характер чуть ли не общего места, своего рода трюизма, прочно обосновавшегося в подавляющем большинстве вузовских учебников по общему курсу философии: «Философия — теоретически осмысленное мировоззрение»¹, «Философия... — теоретическое мировоззрение, учение, которое стремится охватить всеобщее в мире, человеке и обществе»², «Философия — это система основополагающих идей в составе мировоззрения человека и общества»³, «Философия — система взглядов на мир, общество, место Человека в мире и обществе... Таким образом, философия осуществляет функцию мировоззрения»⁴. Этот же подход полностью разделяет А.Л. Никифоров, когда пишет: «*Философия есть разновидность мировоззрения*. В этом утверждении нет ничего нового. Практически все наши философы согласны с тем, что философия есть рациональное систематическое мировоззрение» (С. 27). Тем не менее, несмотря на всю свою привычность, такой взгляд на философию — при ближайшем рассмотрении — оказывается не таким уж и бесспорным.

Прежде всего следует отметить, что идея определения философии через понятие мировоззрения появилась сравнительно недавно, так же как и само это понятие. Как замечает М. Хайдеггер, термин «мировоззрение» (*Weltanschauung*) имеет типично немецкое происхождение

¹ Введение в философию: учеб. пособие для вузов / И.Т. Фролов [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 18. В первом издании этого учебника данное положение формулируется несколько по-другому: «Философия — теоретически сформулированное мировоззрение» (Введение в философию; под общ. ред. И.Т. Фролова. М., 1989. Ч. 1. С. 40).

² *Причиній Є. М.*, та інш. *Філософія: посібник для студентів вищих навчальних закладів*. Київ, 2001.

³ *Спиркин А.Г.* Философия: учебник. М., 2000.

⁴ *Філософія: Підручник*; за заг. ред. В.Г. Кременя, М.І. Горлача. Вид. третє, перер. та доп. Харків, 2004. С. 23–24.

ние и впервые встречается в «Критике способности суждения» Канта¹, хотя там он употребляется и не в современном «систематически-глобальном» значении, а лишь как особый случай «созерцания» (*Anschauung*), а именно «созерцание мира», «как простое восприятие природы в самом широком смысле»². Затем это понятие взяли на вооружение романтики (Жан Поль, А.В. Шлегель, Новалис) и представители немецкого идеализма (И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг), придавшие ему содержание, близкое тому, в котором оно употребляется в настоящее время³. Можно также упомянуть Ф. Шлейермахера, который в лекциях по педагогике 1813 г. обосновал взгляд на мировоззрение как на особого рода «созерцание универсума» в рамках «спекулятивного естествознания и научно истолкованной истории»⁴. К концу XIX в. слово «мировоззрение» (или его аналоги) укоренилось не только в немецком, но и во многих других языках, в частности в русском⁵. Так, В.И. Вернадский в своем цикле лекций, прочитанном в Московском университете в 1902–1903 гг., совершенно свободно оперирует этим понятием, не считая при этом необходимым дополнительно его как-то разъяснять, и более того, вполне естественным образом использует словосочетание «научное мировоззрение»⁶.

Примерно в то же время некоторые авторы выдвигают идею всеобъемлющего «мировоззренческого учения» (*Weltanschauungslehre*),

¹ Кант И. Критика способности суждения // Сочинения на немецком и русском языках. Т. IV. М., 2001. С. 278–279. Интересно, что в данном месте термин «*Weltanschauung*» традиционно переводится на русский язык как «созерцание мира», что представляется вполне адекватным, учитывая то значение, в котором данный термин употребляется Кантом.

² Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. С. 5 и далее: «Так же употребляют это слово Гёте и Александр фон Гумбольдт». Интересно, что Хайдеггер в этом произведении вслед за Гуссерлем проводит четкое отличие «научной философии» и от «мировоззренческой философии».

³ По выражению Хайдеггера, мировоззрение в этом смысле означает «осуществляемый самостоятельно, продуктивный и, стало быть, осознанный способ постигать и объяснять целокупность сущего» (*Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 6).

⁴ См.: *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie* ; J. Mittelstraß (Hg.). 4 Bde. Stuttgart, 1995. Bd. 4. С. 652.

⁵ В другие языки этот термин перешел из немецкого либо путем словообразовательного калькирования, т.е. прямого «поморфемного» перевода: «миро-воззрение» (рус.), «світо-гляд» (укр.), «world-view» (англ.), «cosmo-visión» (исп.), «światopogląd» (польск.), либо же путем непосредственного заимствования слова «*Weltanschauung*», как это имеет место во французском, итальянском, португальском и ряде других языков.

⁶ Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения 1902–1903 гг. // В.И. Вернадский. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 32–172.

и тут в первую очередь следует назвать Г. Гомперца. Этот позитивистски ориентированный австрийский философ предпринимает попытку всесторонней разработки такого учения, призванного заменить традиционную теоретическую философию, основными частями которой выступают метафизика и теория познания. В качестве главной задачи своего *Weltanschauungslehre* Гомперц видит «мысленное воспроизведение уже установленных и упорядоченных фактов»¹, более точно — «создание непротиворечивой системы всех тех идей, которые используются как отдельными науками, так и практической жизнью для воспроизведения фактов»². Решение этой задачи он ищет на путях последовательного эмпиризма, называемого им «патэмпиризмом».

Однако решающий поворот совершает здесь В. Дильтей, выдвинувший особое «учение о мировоззрении», на основе которого он надеялся совместить многообразие философских систем с их претензиями на всеобщность и выработать новое понимание «сущности философии». Центральными понятиями концепции Дильтея, изложенной, в частности, в его работе «Сущность философии»³, выступают понятие *жизни* и понятие *мира*. Мир окружает человека в качестве некоторого «наглядного целого» и в процессе его взаимодействия с человеческой жизнью вырабатываются особого рода интерпретации действительности — мировоззрения, которые стремятся выразить «смысл и значение» этого мира. «Вся земля покрыта, как пестрым сплетением бесчисленных форм, жизневоззрениями, художественными выражениями миропонимания, религиозно-определенными догмами, философскими формулами»⁴. Поэзию, религию и философию объединяет некий общий предмет, вернее, общая сверхзадача — приблизить человечество к раскрытию «мировой и жизненной загадки». В ходе решения этой задачи происходит становление различных форм «жизневоззрений» и мировоззрений, при этом философия (метафизика) представляет собой по существу особый тип мировоззрения, характерными чертами которого являются стремление к обоснованности, понятийности и общеобязательности. По мнению Диль-

¹ *Gomperz H. Weltanschauungslehre. Jena und Leipzig, 1905. Bd. 1. S. 14.* Здесь Гомперц развивает идею, высказанную ранее Е. Дюрингом, который считал, что на смену метафизике должно прийти некоторое «основанное исключительно на действительности мировоззренческое учение» (*Düring E. Logik und Wissenschaftstheorie. Leipzig, 1878. S. 9.*)

² *Gomperz H. Op. cit. S. 17.*

³ *Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. М., 2006. С. 13–82.*

⁴ Там же. С. 49.

тея, на протяжении всей истории философии неуклонно проявляется одна и та же тенденция — «охватить все существование в одно мирозерцание»¹. Таким образом, философия оказывается воплощением особой функции, «заложенной в структуре общества и необходимой в целях совершенствования жизни»². Дильтей формулирует «основное положение» (Hauptsatz) своего учения о мировоззрении: «Мировоззрения не являются продуктом мышления. Они не возникают из чистой воли к познанию... Они вытекают из жизненного поведения, жизненного опыта, из структуры нашей психической целостности»³.

Несложно видеть, что истолкованное таким образом понятие мировоззрения прекрасно вписывается в общее концептуальное поле *философии жизни*. Собственно говоря, именно этому направлению мы обязаны тщательной проработкой и настойчивым продвижением идеи о мировоззренческой сущности философии. Заметный вклад в развитие и обоснование этой идеи внесли также неокантианцы Баденской школы, хотя их взгляд на соотношение философии и мировоззрения был в некотором смысле противоположен дильтеевскому. Если по Дильтею философия производна от мировоззрения и при определенных условиях порождается им, то поздний Виндельбанд и ранний Риккерт, рассматривая мировоззрение в рамках своего «учения о ценностях», считали мировоззрение конечным продуктом философии, которая «увенчивает» мировоззрение и является его высшим выражением⁴. В частности, Генрих Риккерт писал в своей программной работе 1910 г.: «Что мировое целое — предмет философии и что она в конечном счете стремится к тому, что мы называем малозначащим, но почти незаменимым словом “мировоззрение”, вряд ли кто решится оспаривать... Мировая проблема кроется... в отношении Я к “миру”. Это отношение мы можем также назвать отношением субъекта к объекту и попытаться подвести под оба эти понятия все то, что составляет мир в более широком смысле слова. В таком случае задача философии — показать, каким образом субъект и объект объединяются в едином понятии о мире. Так называемое мировоззрение и должно дать ответ на этот вопрос, оно должно показать нам место, занимаемое нами в мировом целом»⁵.

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 80.

³ *Dilthey W. Zur Weltanschauungslehre. Abhandlungen zur Philosophie der Philosophie // Gesammelte Schriften. Bd. 8. Leipzig / Berlin, 1931. S. 86.*

⁴ См.: *Wolters A.M. On the Idea of worldview and its Relation to Philosophy // Stained Glass; P. Marshall et al (ed.). University Press of America, 1983. P. 17.*

⁵ *Риккерт Г. Указ. соч. С. 15.*

Итак, можно утверждать, что на рубеже XIX и XX вв. во многом именно благодаря популярности философии жизни и неокантианской «философии ценностей», а также огромному авторитету таких мыслителей, как Дильтей и Риккерт, проект «мировоззренческого обоснования» философии привлек к себе всеобщее внимание и получил значительное распространение¹. Тем не менее очень скоро обнаружились серьезные недостатки такого взгляда на философию. На некоторые из этих недостатков сразу же обратил внимание Гуссерль², который подчеркнул необходимость разграничивать взгляд на философию как на «культурное образование» и как на явление, обладающее «объективной значимостью». По мнению Гуссерля, последовательное проведение культурно-исторического подхода к философии имеет следствием «крайний скептический субъективизм», а поскольку мировоззрение всегда представляет собой «создание отдельной личности», то мировоззренческая философия неизбежно превращается в подобие личной проповеди или поучения, с которыми «мудрец-философ» обращается «к широким кругам обществности». Эти критические замечания Гуссерля представляются вполне обоснованными. Кроме того, можно отметить и другие слабые места «мировоззренческого подхода» к философии.

Прежде всего уязвимым и даже сомнительным представляется само понятие мировоззрения в силу своего неясного, неопределенного

¹ Представление о мировоззренческой природе философии было взято на вооружение и марксизмом-ленинизмом, в частности советского образца, где оно получило широкие права гражданства. Этому не приходится удивляться, учитывая, что в марксизме понятие мировоззрения тесно связано с понятием идеологии. Ф. Энгельс во втором предисловии к «Анти-Дюрингу» (1885) охарактеризовал содержание этого произведения как «более или менее связанное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения». С тех пор в марксизме считалось правилом хорошего тона, излагая учение Маркса, употреблять по отношению к нему такие эпитеты, как «пролетарское мировоззрение», «материалистическое мировоззрение», «диалектико-материалистическое мировоззрение» и т.п. Сталин в своем знаменитом произведении «О диалектическом и историческом материализме» канонизирует это представление посредством следующей лаконичной формулы: «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии». Эта формула практически безоговорочно принималась затем официальным советским марксизмом на протяжении всего периода его существования, причудливо сочетаясь с декларированием «подлинной научности» марксистской философии. Интересно, что А.Л. Никифоров, считая, что его выступление против научности философии в 1989 г. позволило «подвести мину» под огосударственный марксизм, упускает из виду, что подчеркивание мировоззренческого характера философии вполне гармонирует с идеологической трактовкой философии в советском марксизме-ленинизме.

² См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 221–240.

и, вообще говоря, туманного характера, обусловленного нечеткостью и расплывчатостью самого предполагаемого феномена мировоззрения. Если исходить из «более или менее общепризнанного» (С. 30) определения мировоззрения как совокупности «взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, а также — жизненные позиции, программы поведения, действий людей»¹, то нельзя не отметить очевидную двойственность этого понятия. С одной стороны, следует признать, что мировоззрение имеет явно выраженный индивидуально-личностный характер, поскольку указанные взгляды, оценки и принципы всегда принадлежат какому-то конкретному человеку, выступающему их носителем, а значит, и носителем соответствующего мировоззрения: «Нет безличного, анонимного мировоззрения, в центре всякого мировоззрения стоит определенный субъект» (С. 30). С другой стороны, можно рассматривать понятие мировоззрения в контексте выявления некоторых *типичных* «взглядов, оценок и принципов», характерных для тех или иных групп людей, на том или ином историческом этапе, и в этом смысле вести речь, например, о «классовом мировоззрении» или, скажем, «мировоззрении эпохи». В обоих случаях, однако, мировоззрение оказывается в высшей степени рыхлым, неоформленным и разрозненным образованием. Не говоря уже о полной неясности по поводу того, что может и должно представлять собой такое «самое общее видение, понимание мира и места в нем человека», его в любом случае оказывается чрезвычайно трудно зафиксировать, не важно, имеем ли мы дело с индивидуальным или «типизированным» мировоззрением.

В случае обыденного мировоззрения какого-то отдельного человека такого рода «общее видение», как правило, представляет собой некий слабо оформленный (и зачастую самопротиворечивый) конгломерат положений из самых разных областей, включающих общенаучные сведения, религиозные и идеологические убеждения, всякого рода предубеждения, эмоциональные суждения, усвоенные еще в детстве оценки и т.д. и т.п. Воспользовавшись удачным выражением А.Л. Никифорова (С. 27), можно сказать, что такое личностное мировоззрение практически невозможно «внятно выразить». Но если здесь мы сталкиваемся с чем-то «невыразимым», то не вполне понятно, как вообще может происходить его «теоретическое осмысление», чем, по мысли сторонников мировоззренческого подхода, и должна заниматься философия.

Таким образом, приходится признать, что если философия и имеет отношение к мировоззрению, то, по-видимому, к мировоззрению в

¹ Введение в философию. С. 8.

обобщенном смысле, присущему тем или иным социальным группам или даже целым обществам. Однако онтологический статус такого «обобщенного мировоззрения» и характер его возможного взаимоотношения с философией также остается во многом непроясненным. Если предположить, что оно представляет собой самостоятельное и самодостаточное образование, существующее¹ до и независимо от всякой философии, то задача философии должна, очевидно, сводиться к адекватному выражению, кодифицированию и теоретическому обоснованию этого «типического мировоззрения» (той или иной социальной группы, эпохи, общества и т.п.)². Хотя такое истолкование природы и задач философии вполне совместимо даже со взглядом на нее как на особую науку, его все же нельзя признать адекватным, поскольку в результате, с одной стороны, философия фактически превращается в дескриптивную («фактофиксирующую») дисциплину — чуть ли не раздел культурологии, — призванную выявлять, описывать и систематизировать *уже имеющиеся* мировоззренческие системы, а с другой стороны, это понимание навязывает философии инструментальную роль «служанки мировоззрения», пригодной лишь для оправдания этих систем. Ясно, что философия в подлинном смысле не является ни тем, ни другим.

¹ «Модус существования» данной формы мировоззрения нуждается в дополнительном уточнении. Здесь вполне уместно привлечь абстракцию «трех миров» Готлоба Фреге и Карла Поппера (см.: *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык. М., 1987; *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002), согласно которой следует различать (1) мир физических объектов и состояний, (2) мир состояний сознания, т.е. психических состояний, и (3) мир объективного содержания мышления, образуемого среди прочего содержанием «научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» (*Поппер К.Р.* Указ. соч. С. 108). Ясно, что индивидуальное мировоззрение каждого отдельного человека принадлежит, наряду со многими другими «фактами сознания» и психическими явлениями, второму миру. В отличие от этого «межличностное» (или «интерсубъективное») мировоззрение может существовать только в третьем мире. Но чтобы получить такую возможность и такой статус, оно обязательно должно быть каким-то образом объективировано, т.е. опять-таки «зафиксировано» или сформулировано, что в свою очередь представляет собой отдельную и притом едва ли выполнимую (однозначным образом) проблему. Действительно, где и когда было сформулировано и последовательно изложено «мировоззрение эпохи Возрождения» или «мировоззрение древних славян»? Что следует считать аутентичным выражением «пролетарского мировоззрения» — «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса или же «Государственность и анархию» М.А. Бакунина?

² «Задача философа состоит в том, чтобы провести сравнительный анализ существующих мировоззрений и, если ни одно из них не удовлетворяет, попытаться обосновать новое мировоззрение. Таким образом, философия выступает как самосознание или рефлексия мировоззрения» (*Сагатовский В.Н.* Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб., 2005).

Среди приверженцев «мировоззренческой сущности» философии гораздо более распространенной является точка зрения, *отождествляющая* философию с мировоззрением, вернее *подчиняющая* понятие философии понятию мировоззрения. В соответствии с этим философия *не выражает* мировоззрение как нечто внешнее по отношению к себе; она *и есть* мировоззрение, более точно — особый вид или тип мировоззрения. Парадигмальную формулировку такого взгляда на философию встречаем, например, у Т.И. Ойзермана: «Философия как особого рода мировоззрение в равной мере есть концепция мира и концепция человека, знание о том и другом и особый способ обобщения этого знания, имеющий значение социальной, моральной, теоретической ориентации в мире вне нас и в нашем собственном мире, выражение осмысленного отношения к действительности и теоретического обоснования этого отношения, что проявляется в человеческих решениях, поведении, духовном самоопределении»¹.

Здесь опять-таки вызывает сомнение попытка представить мировоззрение в качестве некоторого знания. Мировоззрение, конечно, может включать элемент знания (прежде всего популярного характера²), заимствованного из различных наук, в том числе и из философии, однако значительную часть нашего «общего взгляда на мир и человека» все же образуют убеждения, принципиально не сводимые к какому-либо знанию. Следует согласиться с А.Л. Никифоровым, когда он призывает «осознать все следствия» того утверждения, что философия является разновидностью мировоззрения, и отмечает, что «если попытаться развить взгляд на философию как на мировоззрение, то мы быстро обнаружим, что мировоззрение и наука — совершенно разные вещи, поэтому признавать философию наукой и одно-

¹ Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982. С. 143.

² Роль и место научно-популярного знания в мировоззрении довольно удачно охарактеризовал Людвик Флек: «Популярное знание... — это знание не для специалистов, а для широких кругов взрослых дилетантов, имеющих общее образование... *Вместо специфических ограничений, накладываемых на мышление особыми доказательствами, поиск которых сопряжен с большими усилиями, популярная наука оперирует упрощениями, однозначными оценками и наглядными живыми образами.* Конечной целью популярной науки является мировоззрение (Weltanschauung) — особая мыслительная конструкция (Gebilde), возникающая на основе эмоционально окрашенного выбора из различных сфер популярного знания» (Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999. С. 136–137). Таким образом, даже если допустить, что такая вещь, как «мировоззрение» или «общая картина мира», действительно существует, то философия вносит в ее формирование не больший, а возможно даже и меньший вклад, чем многие другие общетеоретические науки, такие, к примеру, как физика или биология.

временно считать ее формой мировоззрения значит впасть в противоречие» (С. 27). В конечном счете отождествление философии с мировоззрением неизбежно приводит к выводу, что «к философским утверждениям понятие истины неприменимо» (С. 51), следовательно, эти утверждения выражают не знание, а некие частные «мнения», т.е. «индивидуальные оценки и отношения к миру» (С. 54) отдельных людей, называющих себя философами. В самом деле, если философия является мировоззрением, то в первую очередь мировоззрением того или иного философа, разрабатывающего то или иное философское учение, пусть даже в этом своем индивидуальном мировоззрении данному философу и удастся как-то (например, благодаря своей гениальности) воплотить некоторое «типичное мировоззрение» более широких социальных групп. «Таким образом, философская система представляет собой некоторый индивидуальный смысловой контекст, в глубинном центре которого лежат сокровенные *личные* убеждения и представления философа. Именно эти личные убеждения и вкусы пронизывают все мировоззрение философа, включаются в качестве субъективных оценок и характеристик во все понятия и принципы его системы... Каждая философская система в целом — это совокупность мнений философа о мироздании» (С. 41, 55).

Приведенная цитата может служить прекрасной иллюстрацией того «крайнего субъективизма», к которому неизбежно приводит последовательное развитие взгляда на философию как на особый вид мировоззрения и о котором предупреждал Гуссерль. По существу такой субъективизм имеет разрушительные последствия для философии в классическом понимании, лишая ее сколько-нибудь надежного основания и превращая ее в некое «глубинно-сокровенное» таинство, «обусловленное первичной интуицией философа, т.е. чем-то далее необъяснимым, должным быть принятым как факт»¹, в полумистическое «раздумье над устройством универсума и человека»². По нашему мнению, этот «субъективно-личностный тупик», в который рано или поздно упираются любые попытки мировоззренческого истолкования философии, убедительно свидетельствует против такого истолкования, которое поэтому должно быть отвергнуто как неадекватное. Действительное же понимание природы философии возможно лишь на путях ее обоснования как отдельной науки, обладающей собственным предметом, позволяющим выявить ее место в ряду других наук.

¹ Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное — философская проблема (читая А. Шопенгауэра) // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 82.

² Там же. С. 78.

4. Заключение: на пути к научной философии

Задача, которую мы ставили перед собой в данной статье, была по преимуществу негативной. Мы стремились показать слабые стороны аргументов, выдвигаемых против научности философии, а также обратить внимание на значительные сложности, с которыми сталкиваются попытки определения философии через понятие мировоззрения.

Резюмируя, можно утверждать, что, с одной стороны, возражения против научного статуса философии по существу бьют мимо цели, поскольку основываются либо на слишком узком понимании того, что представляет собой научное знание (неправомерно редуцируя его лишь к эмпирическим формам), либо на гипертрофированном восприятии некоторых специфических особенностей философии (таких, как плюрализм философских концепций, возможность альтернативного решения философских проблем и т.п.). С другой стороны, «мировоззренческий проект», возникший во второй половине XIX в. в немецкой философии, прежде всего в философии жизни, несмотря на то что первоначально он представлялся весьма многообещающим и привлек к себе широкое внимание, в конечном счете обнаружил серьезные недостатки и не получил признания ни в одном сколько-нибудь значительном философском течении XX в., за исключением различного рода марксистских концепций (последнее, как уже было отмечено, объясняется определенными идеологическими факторами и выходит за пределы собственно философского рассмотрения). Поэтому сохранение мировоззренческой ориентации современной постсоветской философии следует признать анахронизмом, доставшимся в наследство от недавней эпохи.

Конечно, для полноценного обоснования научной природы философии недостаточно просто подвергнуть критическому рассмотрению альтернативные подходы. Критика может играть роль лишь некоторой предпосылки для дальнейшей позитивной разработки проблемы. Важнейшими составными частями такой разработки и такого обоснования должны стать, по нашему мнению, разграничение между априорными и эмпирическими науками, выявление специфических характерных особенностей философии как чистой априорной науки, выделение особой области абстрактных сущностей, изучением которых должна заниматься философия, прояснение природы этих сущностей и уже на этой основе — определение предмета научной философии. Эта обширная задача, однако, выходит далеко за рамки данной статьи, а потому мы оставляем ее для дальнейшего исследования.